

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ КОНГРЕСС:
*«БАНКОВСКИЙ БИЗНЕС И БАНКОВСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ:
СТРАТЕГИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ»*

ДИСКУССИОННОЕ ЗАСЕДАНИЕ 4
*БАНКОВСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И БАНКОВСКИЙ НАДЗОР:
ЗАДАЧИ, СТРАТЕГИИ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ*

7 июня 2012 года

Санкт-Петербург

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>М.Ю. МАТОВНИКОВ, Генеральный директор "Интерфакс-ЦЭА", Москва</i>	3
<i>КАРУАНА ХАЙМЕ, Генеральный управляющий, Банк международных расчетов, Базель</i>	4
<i>Р.В. АМИРЬЯНЦ, Директор Департамента лицензирования деятельности и финансового оздоровления кредитных организаций, Банк России, Москва</i>	5
<i>А.А. ХАНДРУЕВ, Первый вице-президент, Ассоциация региональных банков России, Генеральный директор, Консалтинговая группа "Б.Ф.И.", Москва</i>	5
<i>А.Г. КОНСТАНДЯН, Президент, ОАО "Промсвязьбанк", Москва</i>	7
<i>А. С. ДАНИЛОВ, Старший директор, Московская аналитическая группа Fitch Ratings по финансовым организациям, Москва</i>	8
<i>А.Ю. СИМАНОВСКИЙ, Первый заместитель Председателя, Банк России, Москва</i>	11
<i>М.Ю. АЛЕКСЕЕВ, Председатель Правления, ЗАО "ЮниКредит Банк", Москва</i>	12
<i>А.Л. САВАТЮГИН, Заместитель министра, Министерство финансов Российской Федерации, Москва</i>	13
<i>М.И. СУХОВ, Заместитель Председателя, Банк России, Москва</i>	15
<i>А.Ю. СИМАНОВСКИЙ, Первый заместитель Председателя, Банк России, Москва</i>	17
<i>Р.В. АМИРЬЯНЦ, Директор Департамента лицензирования деятельности и финансового оздоровления кредитных организаций, Банк России, Москва</i>	17
<i>А.Г. КОНСТАНДЯН, Президент, ОАО "Промсвязьбанк", Москва</i>	18
<i>А.Б. СОКОЛОВ, Председатель Правления, ОАО "Альфа-Банк", Москва</i>	19
<i>А.Ю. СИМАНОВСКИЙ, Первый заместитель Председателя, Банк России, Москва</i>	20
<i>М.Ю. МАТОВНИКОВ, Генеральный директор "Интерфакс-ЦЭА", Москва</i>	20
<i>А.Ю. СИМАНОВСКИЙ, Первый заместитель Председателя, Банк России, Москва</i>	21

XXI МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАНКОВСКИЙ КОНГРЕСС

«БАНКОВСКИЙ БИЗНЕС И БАНКОВСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: СТРАТЕГИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ»
ДИСКУССИОННОЕ ЗАСЕДАНИЕ 4
«БАНКОВСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И БАНКОВСКИЙ НАДЗОР: ЗАДАЧИ, СТРАТЕГИИ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ»
Санкт-Петербург, 7 июня 2012 года

Модератор: Матовников Михаил Юрьевич - Генеральный директор "Интерфакс-ЦЭА", Москва

Эксперты:

Алексеев Михаил Юрьевич - Председатель Правления, ЗАО "ЮниКредит Банк", Москва

Амирьянц Рубен Владимирович - Директор Департамента лицензирования деятельности и финансового оздоровления кредитных организаций, Банк России, Москва

Данилов Александр Сергеевич - Старший директор, Московская аналитическая группа Fitch Ratings по финансовым организациям, Москва

Каруана Хайме - Генеральный управляющий, Банк международных расчетов, Базель

Констанян Артем Георгиевич - Президент, ОАО "Промсвязьбанк", Москва

Саватюгин Алексей Львович - Заместитель министра, Министерство финансов Российской Федерации, Москва

Симановский Алексей Юрьевич - Первый заместитель Председателя, Банк России, Москва

Сухов Михаил Игоревич - Заместитель Председателя, Банк России, Москва

Хандрюев Александр Андреевич - Первый вице-президент, Ассоциация региональных банков России, Генеральный директор, Консалтинговая группа "Б.Ф.И.", Москва

М.Ю. МАТОВНИКОВ

Приветствую всех, кто нашел в себе силы вернуться к нам после обеда. Я думаю, что вы будете вознаграждены за это.

Тема у нас, безусловно, интересная. Тема у нас о банковском регулировании и банковском надзоре. Но я бы хотел, чтобы в рамках данной дискуссии мы не обсуждали изменения в Положении о резервировании или в инструкции 101, в том числе в отдельные символы данной инструкции, а говорили о стратегических решениях, которые важны и для развития банковской системы, и для понимания того, куда должно двигаться регулирование.

Я бы в начале сказал несколько слов, как я понимаю, чтобы можно было задать какой-то вектор дискуссии и дать вдохновение остальным участникам. Вообще говоря, с моей точки зрения, есть достаточно серьезная проблема, состоящая в том, что, как только случаются какие-то явления в экономике, банковская система немедленно реагирует и реагирует достаточно кризисным образом, то есть она постоянно становится одним из первых слабых звеньев: случается что-либо в экономике, и мы каждые 2-3 года начинаем разгребать либо какое-либо крупное банкротство, либо какие-то кризисы, ликвидности и так далее. Иначе говоря, банковская система продолжает оставаться слабым звеном в экономике. Не хребтом, не кровеносной системой, которая заживляет раны, которые возникают на теле нашей экономики, она является первой жертвой.

А поэтому именно банковская система является системой трансмиссии, внешнего шока во внутреннюю экономику за счет сокращения кредитования и возникновения проблем у отдельных участников рынка. И мне кажется, что это ситуация, которая заставляет думать о том, что с банковской системой нужно что-то делать. Это моя личная точка зрения, я ее не навязываю остальным участникам. Вполне можно считать, что главная задача регулятора в настоящее время – убрать руки от банковской системы, дать ей развиваться независимо. Но мне кажется, что это всё-таки достаточно серьезная проблема, которая состоит в том, что банковская система продолжает оставаться слабым звеном как она была в 1998 году, в 1995 году и так далее.

И хотелось бы поговорить о том, что можно сделать, что бы изменить, чтобы эта ситуация была в значительной степени переломлена, в том числе среди тех идей, которые есть вообще в мире. И надо сказать, что в мире тоже, к

сожалению, последний кризис показал, что банковская система может давать самые негативные последствия для экономики. Мы понимаем, что например, кризис 2008 года был финансовым кризисом, он возник в финансовой системе, потом ударил по экономике, а не то, что сначала возникли проблемы в экономике, а потом они отразились на банковской системе. И в России стоят те же самые проблемы, которые стоят перед мировыми регуляторами.

И для того, чтобы у нас какая-то дискуссия началась и мы немножко прильнули к первоисточнику, к мировому опыту, я бы хотел дать первое слово нашему иностранному участнику Каруана Хайме, который скажет несколько слов о том, куда движется мировая мысль с точки зрения изменения системы. Но поскольку мы рассчитываем на живую дискуссию, я бы ограничил выступление несколькими минутами.

КАРУАНА ХАЙМЕ

Я хотел бы сказать несколько слов о надзоре и необходимости более эффективного надзора, как об одном из очень важных элементов финансовой стабильности.

Мы говорили о проблемах регулирования. Уроки кризиса заключаются в том, что очень разные страны, которые имеют подобный надзор, имеют разные результаты для банковской системы. Один из элементов – это то, что распределение в различных странах и такая страна требует более жесткого надзора. Я хотел бы подчеркнуть, что с моей точки зрения, является ключевыми элементами или ключевыми проблемами в обеспечении эффективного надзора и организовать дискуссию.

Эти результаты были опубликованы рабочими группами. Некоторые называют это более жестким надзором, а некоторые называют это надзором, предполагающим вмешательство. Мы говорим о разных видах надзора. Во всяком случае, надзор должен отличаться от того, который существовал до кризиса.

Я хотел бы назвать 4 элемента, которые являются важными:

Первый – способность действовать по отношению к надзорному органу. Два компонента обязательны и полномочия, которые имеет надзорный орган. Два важных элемента – способность проводить консолидированный надзор в группах, собирать информацию обо всей группе и так же требовать эту информацию, инспектировать и получать неограниченный доступ к информации в отношении всей группы на разных территориях. Мы решаем эту проблему в Соединенных Штатах, например, где доступ практически является неограниченным.

Второй – способность надзорного органа оспаривать или обсуждать, или изменять бизнес-модели, заменять эти модели бизнеса. Конечно, это не значит, что банковские работники не знают, как вести свой бизнес. Это вопросы, это обсуждения, планы повышения возврата по собственному капиталу. В некоторых сложных случаях – возможность запрашивать дополнительную информацию, а также информацию по операциям.

Следующий – это ресурсы, чрезвычайные, новые ресурсы, новые компоненты, очень специализированные сегменты банковского бизнеса на макропруденциальном уровне. Это потребует лучших систем ИТ для управления этими данными и лучшей эксплуатацией этих частей. Нам нужны разные данные. Не всегда уверены в том, что управление этими данными является соответствующим.

Следующий – это воля, желание действовать. Это обозначает новую ментальность, способность действовать быстро, изменения, способ размышления, метод размышления, профилактические действия, ранние действия, идентификация рисков в самом начале, когда вы видите преимущества тех или иных действий, оцениваете риск. Нам нужно быть готовыми, надзорный орган должен быть готов действовать в таких трудных условиях.

Будет очень важно, чтобы финансовые учреждения понимали, что это то правило, в направлении которого мы движемся. И в требованиях Базеля-3 существуют такие профилактические меры, превентивные меры. Это является очень важным.

И четвертый – это интеграция макропруденциального подхода и с большей потребностью в международной кооперации, в международном сотрудничестве. Необходимо думать о целой системе, надзорный орган должен думать обо всей системе. Когда вся система является безопасной, каждое учреждение будет также безопасным.

Мы должны думать об интеграции банковского сектора с оставшейся частью экономики, профилактические действия. Мы будем анализировать дисбаланс в экономике. Я видел здесь некоторые элементы этого подхода, эти элементы были интегрированы в нашу дискуссию.

Хочу рассказать о японском опыте. Очень внимательно слушал японских коллег и была очень хорошая презентация от этой группы. Япония начала принимать определенные меры после возникновения «пузырей» в экономике, через 5 лет после начала кризиса. Первое вливание капиталов в банки, которые имели проблемы, началось за 18 лет до начала кризиса. Очень важно произвести эти восстановительные работы как можно скорее и нельзя запаздывать с этими восстановительными работами - так считали надзорные органы.

Вчера я говорил о необходимости ранней интервенции для остановки кризиса. Это самое лучшее действие для остановки кризиса – действовать быстро. В других системах, например, в Швеции так же было доказано, что движение в этом направлении может быть очень эффективным.

Большое спасибо.

М.Ю. МАТОВНИКОВ

Я предлагаю перейти к российской части панели.

Я бы задал всем участникам первоначальный вопрос, определиться по вопросу, который был задан, - нужна ли банковская реформа или можно решить проблему заплатками? Если нужна, то что нужно делать? Если нужно делать что-то другое, например, в рамках текущего плана, я предполагаю у Центрального банка есть план. Что самое главное? То есть не 10 пунктов, а три пункта, какие меры должны дать максимальный эффект в результате того, что мы будем делать. Давайте, пойдём слева направо.

Пожалуйста.

Р.В. АМИРЬЯНЦ

Коллеги, я думаю, что глобально на вопрос о необходимости реализации именно банковской реформы, я думаю, что ответят мои руководители, но я бы хотел сказать следующее.

Иногда надо делать просто обычные вещи. Может быть, вы именно под этим подразумевали, говоря слово «заплатки», о чем говорю я. Иногда надо просто принять закон о регистрации залогов недвижимого имущества, иногда надо просто быстро принять закон о консолидированном надзоре, иногда нужно продвинуть историю, связанную с мотивированным суждением, с деловой репутацией акционеров. Я могу перечислять бесконечно и в принципе эти законы написаны в стратегии развития банковского сектора. И, может быть, когда будет реализован план мероприятий по стратегии развития банковского сектора и окажется, что не нужны громкие слова «банковская реформа», и все стало несколько лучше. Понятно, что я не все законы перечислил.

Спасибо.

А.А. ХАНДРУЕВ

Уважаемые коллеги!

Понимаете, в России все одинаково опасно – и реформы проводить, и заплатки ставить, поэтому надо с очень большой осторожностью подходить к тому, что в России лучше всего использовать. Но мне бы хотелось очень коротко высказать суждение относительно того, что тот путь, который сейчас выбрал регулятор, на мой взгляд, является, в России конечно, является единственно правильным. И это направление связано, прежде всего, с расчисткой балансов. С момента

образования российской банковской системы прошло уже 20 лет, накопилось столько ненужного груза, грязи, непрофильных проблемных активов, столько схематоза, что без расчистки балансов, по большому счету, система нормально даже восстановиться не может. Она будет восстанавливаться, как ни парадоксально, за счет дальнейшего ухудшения конкурентной среды и усиления роли отдельных избранных, пригретых государством, банков в той или иной форме.

И расчистка балансов – это процесс естественно длительный, и я согласен с тем мнением, которое высказал вчера Анатолий Геннадьевич Аксаков, что, может быть, со сроками введения отдельных новаций в области надзора надо подумать. В последнее время нас очень радует то, в Ассоциации, что Банк России начинает работать с обратной связью: он реагирует на ситуацию и подходит очень профессионально и творчески.

Если расчистку балансов только в слова обратить, то дело не пойдет, так и остановится. Но и шаги вперед должны обязательно сообразовываться с возможностями организаций.

Понимаете, в чем дело? Расчистка балансов в России производится очень своеобразно, большинство банков делает это за свой счет, порой замещая схему другими схемами, такое тоже бывает. Но другие-то в лице госбанков получают это за счет государства.

Я хочу сказать, что в последнее время вот эти внешние факторы все больше и больше начинают влиять и на поведение регулятора или могут влиять. Мы принимаем стратегию, о чем говорил Рубен Владимирович, но ведь она не выполняется по принципиальным позициям. Мы говорим об участии государства, мы никак не можем определить, когда из Сбербанка будем выходить, из ВТБ. Мы говорим об участии государства, а одновременно конвертируем суборд Газпромбанка в акции Внешэкономбанка. Мы говорим о конкурентной среде (это пока еще разговоры, конечно), но на «почта банке» ставят крест, а все отдают ВТБ. Мы говорим о конкурентной среде, но мы знаем, что тихо взяли и приватизировали Глобэкс, сначала за счет бюджетных средств его национализировали, а потом тихо приватизировали. Никаких тендеров, ничего прочего.

Я привел отдельные примеры, но таких внешних факторов для Центрального Банка и регуляторов становится все больше и больше. И тот формализм, о котором вчера говорил Алексей Юрьевич, все больше будет дополняться двойными стандартами, их применением. И самое печальное то, что участие государства в банковской системе становится все менее транспарантным, следовательно, риск у группы банков будет усиливаться. Это очень серьезная проблема, без которой очень трудно двигаться в правильном направлении, хотя сам курс, я считаю, абсолютно правильный.

И я бы хотел сформулировать буквально несколько предложений. Когда мы заговорили о Базеле-2 в России, если помните, создали группу из 6 банков, которые это делали в экспериментальном порядке. Вы абсолютно правильно говорили про формализм, абсолютно верно, но понимаете, мы ведь живем не в Германии, не в Америке, мы живем в России, национальное суждение, учитывая нашу законодательную базу, наши обычаи делового оборота и прочее, давайте мы национальные суждения в порядке эксперимента - для первых 30 банков или для госбанков, и год поработают. Потом посмотрим, как на практике это будет реализовываться. А потом будем постепенно внедрять в другие группы банков. Это первая идея.

Вторая идея. Я считаю, что абсолютно назрел вопрос о полном запрете для госбанков участвовать в сделках слияния и присоединения. Дело в том, что выход государства из капиталов банков затягивается. За это время под разными предлогами продолжается их экспансия.

И третий, последний момент. Вчера Андрей Борисович все очень здорово говорил про антимонопольные регулирования, но все какие-то мелкие решения. А я думаю, что один из главных вопросов, фокусных точек, которые должны быть в центре внимания, это существенное ужесточение антимонопольного регулирования. И выход государства из участия в капиталах банков должен обязательно сопровождаться усилением роли государства, а не ослаблением роли

государства в антимонопольном регулировании. Тогда мы еще имеем шанс сохранить конкурентную среду и сохранить эффективно работающую банковскую систему.

Спасибо.

А.Г. КОНСТАНДЯН

Во-первых, я хотел бы согласиться с очень многими высказываниями Александра Андреевича и вернуться к вопросу о необходимости банковской реформы. Вопрос очень глобальный. Я хотел бы сказать несколько слов в защиту нашей банковской системы.

На протяжении многих-многих лет, за эти 20 лет, именно эта отрасль была во многом проводником инноваций, модернизации в российской экономике, поддерживала ее рост, росла, выросла вместе с экономикой, но тем не менее росла опережающими темпами и качественный рост по сравнению с тем, что представляла собой российская экономика 20 лет назад.

Мы сейчас абстрагируемся от Советского Союза, мы возьмем начало 90-х годов, банковскую систему того времени и сейчас. На мой взгляд, прогресс именно в банковской отрасли гораздо более заметен и в этом есть заслуга предпринимателей от банковской системы и регуляторов, много кого. Однако сильна ли наша банковская система? Конечно, нет. С другой стороны, сильна ли российская экономика? Увы, наша экономика к числу сильнейших не относится. Банковская отрасль – самая зарегулированная отрасль во всем мире. Нигде, ни в какой отрасли нет такого количества отчетов, которые нужно предоставлять. Но я сейчас хочу сказать не об этом. Это характерно не только для России, это характерно и для других стран точно так же.

Парадокс состоит в том, что это регулирование не позволяет предотвращать кризис, оно не позволило предотвратить кризис у нас. Но если мы посмотрим на Западную Европу и Соединенные Штаты, там с этим проблем еще больше. Означает ли это, что банковские системы, например, в Германии являются слабыми? Нет, конечно же такой вывод сделать нельзя.

Возвращаясь к российской банковской системе, я хотел сказать, что какая-то качественная реформа, на мой взгляд, такой необходимости нет. На мой взгляд, что российским банкам не хватает? Не хватает понимания роли банков в жизни экономики. Регулятор заботится о стабильности, регулятор не заботится о росте. Поэтому я тоже далеко не всегда присоединяюсь к критике Центрального Банка, когда «гайки закручиваются», просто цели разные: регулятор – за стабильность. Но, с другой стороны, нашей экономике и нашей банковской системе необходима не только стабильность, ей необходим рост. Мы находимся не в том состоянии, как банковские системы и как экономики и Соединенных Штатов, Германии и других стран. Всегда баланс такой, стабильность против роста. Алексей Юрьевич, по-моему, на съезде АРБ, такую замечательную фразу сказал, что вы, обращаясь к банкирам, за здоровье через богатство, мы, регулятор, за богатство через здоровье. Замечательная фраза, не знаю, насколько дословно я ее воспроизвел.

На этапе до 2008 года, когда нужно было охлаждать пыл, угар в экономике и в банковской системе, наверно, я бы присоединился на 99 процентов. А сейчас, когда здоровья нет, экономика и банковская система, она отягощена проблемами. Выход из этого – время и рост. Это один из ключевых споров, который существует между банками и регуляторами о том, что нужно расти или не нужно. Приходится возвращаться к роли опять-таки банков по экономике страны и насколько развитие кредитования (не только потребительского, но и корпоративного) абсолютно критично и необходимо.

И вопрос стоит в плоскости не только стабильности банковской системы, но и экономического роста всей страны. То, что мы видим сейчас, на мой взгляд, не является позитивным фактором. Центральный Банк явным образом показывает, что хочет сокращать рост, считает, что нынешние темпы приемлемы или даже больше, чем приемлемы. И в связи с этим 214, 110-и и так далее. Что мы видим? Мы видим, что банки реагируют, кредитовать корпоративных заемщиков становится все менее интересно. Покупать облигации корпоративных заемщиков становится отчасти даже

опасно в связи с новыми регулятивными требованиями. И предложение денег для корпоративных заемщиков в целом уменьшается.

Я думаю, что если посмотреть, банки не обладают этой статистикой, Центральному Банку виднее. Я думаю, что несколько сотен российских банков сокращают кредитные портфели корпоративного кредитования. Хорошо ли это для российской экономики – огромный вопрос.

С другой стороны, многие банки абсолютно бездумно ринулись в потребительское кредитование. Те темпы потребительского кредитования, которые сейчас есть, - выше 40 процентов, на мой взгляд, они в целом избыточны. Для каждого банка есть своя стратегия, но мы видим, как потребительским кредитованием занимаются те, кто понятия не имеет, что это такое. Это сложный бизнес, сколько рисков с этим связано.

А. С. ДАНИЛОВ

Я предлагаю вот так подойти к этому. Тут звучали разные точки зрения, одни ратовали за какие-то постепенные шаги, кто-то говорил в пользу того, чтобы зазвучало слово «реформа». Что считать реформой? Лично моя позиция – я за радикальные шаги.

Что я считаю радикальным шагом? Например, во время кризиса – это реформирование системы рефинансирования. То, что было сделано и спасло многие банки, когда Центробанк стал выдавать без обеспечения кредиты, - это спасло многие банки в период кризиса, увеличение активов, под которые банки могут получать рефинансирование. Это существенное изменение в системе рефинансирования можно считать радикальным шагом.

Изменение политики управления курсом рубля – это радикальный шаг, позитивный, потому что если вспомнить кризис, с одной стороны, левая рука и правая, неслаженные действия; с одной стороны ЦБ давал рубли, когда курс был 25 или 24, когда все уже, в том числе люди из правительства говорили публично в интервью за несколько месяцев до того, как это совершилось, что, возможно, рубль будет 30, как это может быть? Естественно, государство, налогоплательщик, мы с вами потеряли очень много денег на этом, сейчас этого нет. Это радикальные изменения.

Теперь к регулированию. Это не совсем было связано с регулированием, но надо смотреть в комплексе, - это другой важный момент, что на многие вещи надо смотреть комплексно. Нельзя смотреть на какую-то отдельную область и говорить, что мы сейчас здесь что-то сделаем, а дальше это никак ни с чем не состыковывается.

Что касается регулирования, моя позиция такая. Я хочу с некоей критикой выступить в отношении Центрального Банка, а с другой стороны, может быть, будет некая солидарность. Я считаю, что ЦБ слишком мягко ведет себя в отношении регулирования банковской системы. То есть все правильно с точки зрения направления, но по форме, мне кажется, что можно было действовать более радикальными вещами, радикальными методами. В частности, те вещи, которые сегодня есть, - регулирование на основе неконсолидированной отчетности, все эти нормативные коэффициенты, которые считаются на основе неконсолидированной российской отчетности. К чему это приводит? Что по форме у нас многие банки все соблюдают. По факту многие банки, с точки зрения актива банковской системы, какие-то из нормативов нарушают. То есть, по сути, многие де-факто виновны.

Что с этим делать, ставить всех к стенке одновременно? Наверно, нет, это неправильно, это не сработает, система рухнет, потому что слишком много проблем накоплено уже. Я не знаю, сработает ли этот институт мотивированного суждения, но мне кажется, что без института мотивированного суждения, если Центробанк по результатам проверки даст некие недвусмысленные рекомендации конкретному финансовому учреждению в отношении конкретных операций, то мы, наверно, какого-то позитива добьемся и некие временные рамки, в течение которых Центробанк ожидает неких позитивных улучшений по этому конкретному направлению. То есть я скептически отношусь к таким системным изменениям по чуть-чуть, например, увеличение минимального размера капитала. Хорошо, увеличили. Дальше я смотрю на все эти мелкие, маленькие банки при всем уважении и каким-то образом люди за несколько лет умудряются войти во все эти нормативы и соблюдать. Надо убедиться, что качество этого капитала,

который приходит, нормальное, а по факту это не так. То есть качество надзора очень важно, даже используя те инструменты, которые есть сейчас. Не изобретая ничего нового, можно добиться радикального изменения.

И звучал очень важный момент – консолидированный надзор. Я занимаюсь финансовым анализом. Знаете, какие первые вопросы я задаю? Кто акционер, чем он владеет, какими активами?

И еще один важный момент: я смотрю на банк, у него доходность на капитал 10 процентов. И первый вопрос, который я себе задаю, зачем акционеру актив, который приносит 10 процентов на капитал? Когда человек приходит и дает мне ответ на этот вопрос, я понимаю, что связь идет от активов, от акционеров, других бизнесов, какая-то логика там есть. Если вы посмотрите на отчетность, экономической логики нет. Значит, здесь какая-то другая, ее надо найти, Центробанк должен ее знать, что есть у акционеров, какие есть возможности, какие есть риски за пределами банков. Это даже не консолидированный надзор с точки зрения банков, как таковой банковской финансовой группы, а это общий надзор.

И в этой связи еще второй важный момент – качество надзора, например, какая-то отрасль испытывает какие-то трудности или какое-то крупное предприятие. Сразу регулятор должен реагировать и знать, что такие-то и такие-то банки, у них есть кредиты. Одновременно есть информация о том, насколько эти кредиты зарезервированы, что банки собираются делать. То есть это должен быть такой подход, отчасти превентивный, то есть надо быстрее реагировать на какие-то обстоятельства.

Но чтобы все это реализовать (это уже как бы структурная вещь, глобальная в плане менталитета и подхода), нужна политическая воля, в первую очередь, люди, которые будут это реализовывать, и неотвратимость наказания – система правильно выстроенных отношений с точки зрения мотивирования и санкций.

Как я сказал, не надо никого сразу ставить к стенке, но некое недвусмысленное понимание того, что произойдет, если это не будет исполнено, должно до банков доходить. И неотвратимость наказания – это глобальная вещь, я не знаю, как с этим справиться, но это должно быть. Не должно быть такого, что на Бородина спускают всех собак, а акционер Сергей Пугачев? Кто-нибудь слышал, чтобы на него завели уголовные дела или что-нибудь такое? Я не слышал. Такого быть не должно. Правила игры должны быть одни, но я за ужесточение – вот моя позиция.

М.Ю. МАТОВНИКОВ

Я, честно говоря, не верю, что жесткие санкции сильно помогут изменить ситуацию по очень простой причине: это обычная игра брони и пушек, в ней обычно победу одна сторона не одерживает. В итоге, мне кажется, нужно создать стимулы, когда у банков будет реальная необходимость самостоятельно произвести эти самые изменения, понимая, зачем они это делают. В частности, был отличный пример, когда была введена система страхования вкладов, потому что многие банки реально провели радикальные изменения. Это был мощный стимул. Одна проблема, что один раз прошли, а дальше постоянного поддержания нет. Конечно же, нужны стимулы для того, чтобы подобного рода изменения происходили.

Говорилось о проведении без залоговых кредитов, эти кредиты в известной степени могли бы быть реформированы в инструмент, который реально нуждался бы в реформировании, потому что в долг имеет смысл давать, когда Центральный Банк верит, что кредит будет возвращен. И сейчас эти кредиты даются только крупнейшим банкам под рейтинги. Мелкие не имеют возможности, мелкие в итоге задирают ставку по депозитам и на фоне падающей инфляции растет ставка привлечения, что системно неправильно. В значительной степени это риск, который порожден системой рефинансирования, который ориентирован на крупнейшие банки, в то время как мелкие банки вынуждены бороться за вкладчика.

А.С. ДАНИЛОВ

Можно встрять? Относительно мелких банков. Я понимаю, может быть, звучит немного негуманно, но для российской банковской системы вполне достаточно порядка 200 банков (это моя позиция). Это не значит, что все

остальные надо закрыть, но какие-то пути к консолидации банковского сектора, мне кажется, искать надо. Этого, во всяком случае, будет достаточно для его бесперебойного функционирования. Если вы посмотрите на долю банков (условно говоря, тысяча банков снизу), доля их актива будет порядка 5 процентов, в депозитах, наверно, еще меньше.

Поддержка без залоговыми кредитами оказывалась порядка 190 банкам в острую фазу кризиса, которые были поддержаны Центробанком. Эти 190 банков, около 90 процентов – банковской системы, то есть Центробанк в кризис поддержал фактически всю банковскую систему. Чего жаловаться?

А.А. ХАНДРУЕВ

Означает ли это, что нам нужно отменить действие закона о микрофинансовых организациях? Микрофинансовые организации сейчас в России развиваются, они привлекают средства физических лиц, дают кредиты. Это означает, что, допустим, 300 немецких банков, 1700 кооперативов надо ликвидировать или закрыть. Вы же сами себе противоречите! В самом начале сказали, что главное – это устойчивость. Какие банки оставить? Может быть, мы первые 200 и ликвидируем?

(Аплодисменты)

Тут сидит Василий Михайлович, он подтвердит: если вы в США начнете говорить о количестве банков, сколько банков нужно оставить из тысячи с лишним, вас просто не поймут. Закон принят для того, чтобы не допустить монополизацию рынка. Если вы за устойчивость, тогда скажите, что это 10 устойчивых банков (малых, средних или крупных), а вы хотите оставить 200.

М.Ю. МАТОВНИКОВ

Я бы только добавил, что действительно я не слышал ни одного случая, чтобы из-за банкротства мелкого банка в системе произошли негативные последствия. Я больше слышу про банкротства крупных банков, которые приводят к серьезным последствиям. А уменьшить мелкие банки – это очень хорошо, но мы должны понимать, что финансовые инновации, в том числе появление новых бизнес-моделей происходит в значительной степени в мелких банках. «Русский стандарт», «Восточный экспресс» - все они выросли, так или иначе, из мелких банков.

Мы, конечно, можем сделать так, чтобы остались одни крупные. В свое время был план Мамута, я его в свое время на страницах одного журнала заклеил как фонд динозавров по отлову млекопитающих. Смысл понятен: можно было обеспечить конкурентное преимущество крупным банкам, но в целом это не та вещь, что создать устойчивую банковскую систему. Можно поиметь те же 200 банков, которые в какой-то момент будут рваться.

А.А. ДАНИЛОВ

Смотрите, контраргументов сразу несколько. С точки зрения монополизации в российской банковской системе, о чем вы говорите? Посмотрите концентрацию госбанков в банковской системе: у нас у Сбербанка 30 процентов банковской системы, ВТБ – под 20 процентов, добавить всех остальных около государственных и получите под 60 процентов. То есть система уже достаточно сильно концентрирована.

Дальше вы говорите, что 200 банков – это фактически де-факто вся система. Дальше мы говорим с точки зрения рисков, вы говорите, они не несут больших рисков, но посмотрите, какой был эффект в кризис: ряд мелких банков, у которых были вкладчики, испытывали финансовые трудности. Люди, не понимая, большой это или маленький банк, просто паниковали в регионах, выметали эти банки и их родственники, друзья неслись в другие банки, выметали их. У тех, например, не было никаких проблем. То есть большое количество банков несет некий системный риск, связанный с этим эффектом – пресловутым домино: если падает даже небольшой банк, это было спасение этих небольших, мелких

региональных банков именно в этом, чтобы избежать системных рисков для всей банковской системы. То есть они де-факто несут, иначе зачем их тогда спасали? Ну, упали бы они в кризис.

Я понимаю вашу логику: они конкурентоспособны, они маленькие, что-то там делают. Зачем их тогда спасали?

М.Ю. МАТОВНИКОВ

Александр, если у нас в прошлом падали мелкие банки, это не означает, что мы не будем спасать страну от банкротства крупного банка. Это две разные вещи, не надо все время смотреть назад, можно посмотреть вперед. И системные риски растут среди крупных банков.

Я передаю слово Алексею Симановскому.

А.Ю. СИМАНОВСКИЙ

Я понял, что антимонопольное регулирование победило, и кроме правой части панели сейчас может поговорить левая часть. Левая - по отношению к модератору, но правая по отношению к залу.

Я не буду участвовать в очень острой и, по-моему, не имеющей отношения к теме обсуждения дискуссии по поводу того, нужны или не нужны небольшие банки. Я никогда не скрывал, что я не являюсь сторонником того, что если ты маленький, тебя раскатывали катком и закатывали под асфальт. Я считаю, что маленький такой же живой, как и большой с точки зрения того, что он уйдет с рынка и на это никто не обратит внимания. Так, может, оно и спокойнее.

А с точки зрения цифр, то ими не надо так легко бросаться. Не очень корректный пример, но в нашей стране 140 миллионов человек, а 5 процентов населения – это мало? А два процента населения – вообще ничто? Коллеги, аккуратнее. Банки обслуживают людей, предприятия, там работают люди, и на предприятиях люди работают и так далее. А может, нам вообще две столицы оставить? На фиг нам эта большая территория? Столько проблем, столько проблем, Господи Боже!

(Аплодисменты)

Теперь по поводу заданного вопроса. Довольно много было вопросов. В моем представлении некие направления действий я вижу, как мне кажется. Более того, они изложены в таком документе, который называется «Стратегия развития банковского сектора до 2015 года», в том плане, что те самые направления, о которых там сказано, они наиболее актуальны с точки зрения развития банковского регулирования и банковского надзора.

Поскольку речь шла о том, что банковская система хрупкая и очередной кризис подтвердил ее хрупкость, давайте вспомним, почему наши российские банки плохо себя чувствовали в кризис, поскольку были приняты вещи, которые были либо не приняты во внимание, либо забыты, либо просто те люди, которые руководили и владели банками, не имели представления об этих вещах и рассматривали банки не как специфическую отрасль по оказанию таких финансовых услуг, а рассматривали банки как средство личного обогащения. Поэтому все так и получилось.

Кто так называемый пострадавший в условиях кризиса? Там есть хоть один банк, который вел нормальную банковскую деятельность, нормально управлял рисками? Ни одного банка (я неоднократно об этом говорил), который бы хоть приблизительно выполнял де-факто требования Банка России и закон среди этих банков не было и близко, они все были аутсайдерами, они все были далеко-далеко от выполнения законов, я уж не говорю о морали и нормативных документах Банка России.

Делать вывод о банковской системе, о ее устойчивости и неустойчивости на этом основании достаточно сложно. Кризис был достаточно существенный, тем не менее, позиция ряда банков в этом смысле поколебалась, но не настолько. Кто-то скрылся в тину, кто-то спрятался в горах, в лесу, в траве притаился. Но есть пословица: сколько веревочке не виться. Сейчас все потихонечку рассматривается и обнаруживается, как после зимы все было светло, бело, чисто, потом солнышко согрело, ой, какое безобразия кругом!

Это два типа, на которые я делю наши российские банки, наверно, и в международном плане есть подобные вещи. Тип банка зависит от типа владельца, зависит тип банка от типа топ-менеджмента. Правда, владелец и топ-менеджмент – это всегда два сапога пара. Никогда не бывает так, что владелец чист, честен, прозрачен, а топ-менеджеры сами ведут банк в том направлении, в каком считают нужным.

Поэтому в моем представлении три вещи, которые необходимы для того, чтобы банковская система была более устойчивой? Было сказано о расчистке активов. В моем представлении, безусловно, это важная тема и я бы сказал в хорошем смысле этого слова о расчистке по людям, по владельцам, по водителям тех самых машин, которые представляют иногда не только экономическую, но и довольно большую социальную опасность. Кто управляет машинами? Там не должно быть пьяных, обколовшихся (в переносном смысле этого слова), там не должно быть заведомых людей с агрессивными намерениями на кого-то наехать.

Что нужно для этого? Помимо надзора, ответственность тех, кто управляет в широком смысле этого слова банками, ответственность за чистоту помыслов и за соответствие их действий этим помыслам, жесткую ответственность. И административную и, если надо, уголовную. Всех это, конечно, не остановит, так как не останавливает наличие Уголовного кодекса преступников, рецидивистов не останавливает. Надо поставить некий барьер, чтобы была неотвратимость наказания.

С точки зрения надзора, довольно много сказано и написано и по линии регулирования, и по линии надзора на те точки роста рисков, которые характерны для нашего банковского сектора. В моем понимании на сегодняшний день агрессия, концентрация рисков и манипуляции, не прозрачность – вот вещи, на которые мы обязаны обращать внимание, на которые стараемся обращать внимание.

По линии регулирования я это называю формализацией мотивированного суждения. Что я имею в виду? Те вещи, которые мы видим в практике банковской деятельности, которые в нашем представлении являются источниками повышенных рисков, мы пытаемся их формализовать через наши инструктивные документы, делаем нормой. И это касается и 110-й и 254-й и всего остального. Дальше, уверен, будем идти этим путем.

Другой вопрос, что мы, конечно же, за банковской практикой, как любой регулятор, не успеем. Естественно, те, кто ищет, как обойти препятствия, он будет на полшага, на шаг впереди, поэтому для этого, на мой взгляд, и нужно мотивированное суждение для того, чтобы конкретные вещи, которые не написаны сегодня в инструкциях, на них реагировать.

И последнее. Все это не спасет от действия системных рисков. Я не упоминаю сейчас специальную работу, я к этому слову отношусь с неким предубеждением, считаю, что оно не очень удачное. Но смысл в этом термине заложен абсолютно корректный, и речь идет об оценке системных рисков и о работе по снижению этих системных рисков применительно к деятельности банковского сектора, все равно не поможет.

Я исхожу из того, что необходим фонд страхования от системных рисков или системы страхования системных рисков. Я исхожу из того, что такая система нужна для того, чтобы цивилизованно решать вопросы либо вывода банка с рынка, если его нельзя восстановить рационально, либо рациональной помощи банку, который пострадал действительно от системы рисков, а не от того, что он вел деятельность таким образом, что его надо было раньше с рынка выводить, чем об этом стало известно.

Спасибо.

М.Ю. АЛЕКСЕЕВ

Был задан вопрос: нужна ли банковская реформа или не нужна? Мое мнение такое – не нужна, я в этом не вижу никакого смысла. Вопрос – зачем? Кризис 2008 года случился практически 4 года назад и все ожидали, что будет какая-то вторая волна. Говорили, что она может быть в 2009 году, может быть в 2010, даже назывался 2011 год. Слава Богу,

ничего не случилось. У нас было 4 года для того, чтобы подготовиться к каким-то возможным неблагоприятным изменениям.

Я думаю, что это время с точки зрения развития системы регулирования впустую не было потрачено. Лучшие умы мирового сообщества на двадцатке, регуляторы думали, что сделать, вектор задан. Требования к капиталу постепенно увеличиваются и будут увеличиваться. Система управления рисками ужесточается, Базель-2, Базель-3 будет внедряться (во всех программных документах это записано), нормативные документы, так или иначе, подтягиваются. Делается очень много. Поэтому эволюционно изменения достаточно существенные и все они направлены на то, чтобы, если не дай Бог что-нибудь случится (это тоже исключить нельзя), чтобы банковская система выдержала этот удар.

Я думаю, что мы сейчас все, что хотели, практически так или иначе реализовали или находимся на этом пути. К сожалению, ситуация сейчас такова, что мне кажется, что трудные времена не за горами и надо просто посмотреть, как банковская система будет себя вести в период нарастающей финансовой турбулентности. Я думаю, там много чего всплывет, много чего появится и уже по итогам опыта, который будет получен, там надо будет делать более существенные выводы.

Я думаю, что это не дело поднадзорных, регулируемых говорить о том, какая должна быть система регулирования, как не дело налогоплательщиков говорить, какой должен быть налог. Если уже совсем жить тяжело и сложно, тогда мы взропщем и скажем, что дальше терпеть нельзя, но, слава Богу, до этого не доходит. Были отдельные моменты по 110, мы их обсуждали с Алексеем Юрьевичем, все они хорошо решены, у нас сейчас нет вопросов.

Лично меня, как поднадзорного, особенно ничего в этом плане не тревожит, за исключением борьбы с легализацией и отмыванием. Я за эту борьбу, я категорически ее поддерживаю, но то, какими методами это делается, это, конечно, ужасно, потому что мы обложены непосильными требованиями сообщать все новые и новые данные по нашим клиентам. Это требует огромных издержек, роста численности персонала на эти цели и какова эффективность всего этого механизма, этих данных, которые мы сообщаем, у нас большой вопрос – зачем это нужно? В конце концов, подключитесь к нашим системам, сделайте параллельно базу данных по всем нашим платежам и серфингуйте в этих базах, сколько угодно, ищите террористов, отмывальщиков и так далее. Только нас не загружайте этой не нужной, как я считаю, работой, точно также как с вопросами защиты персональных данных.

Это не по линии Банка России, может быть, по линии других регуляторов. И здесь, как мне кажется, определенная координация должна быть. Как мне кажется, должна быть координация (уже надо говорить на эту тему) между органами банковского надзора разных стран. Мы входим в иностранную группу, у нас регулятор не только Банк России, Комитет по финансовому мониторингу, но и Банк Италии, Банк Австрии и иногда регуляторы предъявляют к нам совершенно разные требования. Банк Италии сказал, что число человек в компании надо увеличить на 9 человек, почему на 9, а не на 3 или на 12? Как это завязано с качеством нашего комплаенса, кто-нибудь его смотрел? Так что есть определенные вопросы, нас вызывают не только на Неглинку, но и в другие места, чтобы познакомиться.

Посмотрев на мир, хочу сказать, что у нас, наверно, не самая плохая система регулирования, не самые плохие регуляторы. Так что в этом смысле хочу сказать, что реформа не нужна. Все, что делается в общем и в целом, делается в правильном направлении. Давайте подождем, я думаю, что события не заставят себя долго ждать и посмотрим, как поведет себя банковская система и система регулирования. А потом, через годик, другой, третий будем делать выводы и разбор полетов.

А.Л. САВАТЮГИН

Михаил Юрьевич, я должен ответить на ваш вопрос или, учитывая, что нам осталось 20 минут, все сказать, что я думаю о банковской системе? Лучше я отвечу на вопрос.

Я согласен с Михаилом Алексеевым, какая реформа? Нашей современной банковской системе всего 20 лет, сколько из них мы ее реформируем? 20 лет. И еще что-то реформировать, мне кажется, что основные базовые институты, базовые законы, фундаментальные принципы заложены, их пока рано ставить под сомнение – те фундаментальные принципы, которые заложены в основу функционирования нашей российской банковской системы.

Мне кажется, что и ставить под сомнение фундаментальные принципы, которые заложены в основу мировой банковской системы, тоже преждевременно, хотя некоторые эксперты это советуют. В принципе за последние 500 лет мировая банковская система качественно, кардинально не сильно изменилась. Появились новые инструменты, новые средства общения, какие-то новые институты, но кардинально не изменилась.

По поводу регулирования в целом. Я бы поставил под сомнение тезис о том, что банковская система должна регулироваться каким-то особым, специальным, специфическим, иным способом, чем другие сегменты финансового рынка. Более того, я бы поставил под сомнение тезис о том, что финансовый рынок должен регулироваться каким-то особым, специальным, специфическим способом в отличие от других сегментов рынка и реальной экономики. По крайней мере, этот тезис должен быть очень серьезно аргументирован.

Минфин поддерживает проведение профессионального суждения для Центрального Банка, и мы подготовили соответствующие законопроекты. Мы выступали союзниками Цетробанка, но почему только для банковской системы? А другие надзорные органы имеют право на мотивированные или профессиональные суждения? А если мы дадим сотрудникам ЦБ, они тоже захотят и каждый надзорный орган придет и скажет, чем ЦБ лучше нас, чем они мотивированнее и профессиональнее, чем налоговые службы, которые тоже могут выдвигать мотивированные суждения начисления налогов, таможенные службы при определении таможенной стоимости товаров и другие представители. Мы – «за», в разумных пределах, с разумными ограничениями, в рамках закона и с пониманием ответственности за принимаемые решения.

То же самое касается и других: наказание за фальсификацию отчетности. Да, фальсифицировать отчетность плохо, не нужно, за это надо наказывать и не только банковскую. Все те новации, которые мы апробируем на банковском рынке, они могут, наверное, быть распределены и на другие сегменты финансового рынка, именно поэтому Минфин в последнее время часто выступает за комплексный системный подход к регулированию всех отраслей, до которых может дотянуться.

По поводу дискуссии о крупных и мелких банках. Я полностью поддерживаю Алексея Юрьевича и высказываю мнение о том, что нам нужно 200 или любое другое количество банков, оно не научно и не морально. А сколько нам нужно крупных заводов, а булочных, а населения страны, чтобы всем жилось хорошо? В принципе, одному человеку, по хорошему, нужен только один банк, который должен удовлетворять его финансовые потребности в услугах. А 140 миллионам человек сколько нужно банков?

В течение 70 лет мы жили в стране, где был один банк и не было больших претензий к качеству оказания банковских услуг, и проблем с финансовой стабильностью мало, кто ставил. Мое детство прошло в Петербурге, в коммунальной квартире. У нас была престарелая соседка, она за два дня до 80 лет оформила потребительский кредит в сберкассе, купила стиральную машину в кредит. Если бы я был постарше, то поставил бы под сомнение целесообразность этой покупки, потому что она жила одна, машину в маленькой ванной поставить было некуда, через два дня после того, как привезли стиральную машину, она скончалась. Но она была удовлетворена качеством оказанных банком услуг.

Поэтому я за улучшение действующей нормативной базы, за анализ того, что происходит в мире и у нас в российской экономике. И я бы все-таки придерживался за мягкое, точечное регулирование, чем за реформирование, тем более за революционные преобразования. И у меня вообще глубокое убеждение, что, чем законов меньше, чем они короче и понятнее, тем они лучше. И законы надо менять только в двух случаях или вводить новые законы:

- или формализовать существующие правила игры, принятые консенсусом, и рыночную практику, которая уже устоялась. Мы просто переводим из разряда неформальных правил игры в формальные правила, чтобы новые игроки знали, что так принято играть:

- либо если есть непримиримый конфликт сторон, который невозможно разрешить неформальными средствами, когда государство через демократические институты должно применить ту силу, которая закрепляет то или иное право сторон, или устанавливает такой административный консенсус.

Есть такая идея: давайте сделаем что-нибудь хорошее, как, например, некоторые депутаты меряются, кто больше внес законов, и чем больше внес, это значит, он лучше работает. Мне кажется, что это не совсем правильный подход к оценке эффективности регулирования в целом.

М.И. СУХОВ

Спасибо. Я сделаю еще несколько комментариев относительно круга вопросов, которые ставятся на сегодняшней секции, и ставились неоднократно и вчера, и сегодня, и еще неоднократно будут ставиться.

С моей точки зрения, система регулирования в ближайшие годы (я не говорю про завтрашний, ни про послезавтрашний день) будет испытывать влияние следующего процесса. Например, 10 лет назад у самого крупного российского банка активы составляли 9 процентов, сейчас эта сумма более чем удвоилась, и выросло количество банков, располагающих таким же соотношением активов с ВВП.

Я могу вспомнить цитату Виктора Степановича Черномырдина, который говорил о том, что все, что нужно Газпрому, он уже сохранил, я не хочу менять Газпром на название крупнейшего банка, это неправильно, но потребности группы лидеров банковского рынка налицо - это Базель-2, Базель-3. И я думаю, что в ближайшие годы, год мы дадим сектору методики расчета всех этих инструментов, а результаты примерно понятны, где-то капитал нужен больше, где-то меньше.

Но будет еще и другой результат, что новый язык финансового регулирования будет понятен не всем и тогда начнет работать уже другой механизм, что унифицированная система регулирования, которую могут применять институты с одной и той же лицензией, она не сможет сработать для определенного типа банковского бизнеса. И здесь дело не в его величине. Можно быть крупной организацией, имеющей в своем распоряжении только незавершенные стройки или инвестиции в слабо работающие предприятия, дело не в этом. Поэтому я вижу, что современный тренд развития регулирования, он делает все менее эффективной систему унифицированных требований где-то в перспективе 3-5 лет. И тогда, если мы говорим о том, что правила игры могут модифицироваться от типа бизнеса, будет легче отвечать на вопросы и о размере банков, и об отношении общества к размеру банков.

Я не думаю, что Центральный Банк или даже банковский сектор должен определять судьбу банков разной величины. В принципе, очень правильно, что этот вопрос решается законодательством, общество должно понять, какой тип института должен иметь банковскую лицензию. Но, если мы говорим о применении и развитии современного инструментария финансового регулирования, то оно будет ставить этот вопрос более настойчиво. С середины года заработает новая система учета доходов такого современного финансового инструмента как производные финансовые инструменты.

Мы пошли весьма осторожно, мы видели, с одной стороны, что крупные банки готовы использовать современные пути расчета реальной стоимости. Но мы одновременно видим, что подобного рода механизмом может воспользоваться и другая группа банков. Это не самый принципиальный по деньгам, по капиталу вопрос для банковского сектора. Следующие будут более актуальны. Те, кто смогут посчитать себе капитал по Базелю-2, они, видимо, смогут как-то адаптироваться к новым нормативам ликвидности из Базеля-3. Но я очень сомневаюсь, что новые нормативы

ликвидности из Базеля-3 в принципе потянут те банковские институты, которые не будут способны рассчитать себе требования достаточности капитала по продвинутым подходам Базеля-2.

Поэтому эта ситуация объективная, сегодня она не самая материальная, но через года через 2, через 3 мы поймем, что либо мы сможем сохранить унифицированную систему регулирования для группы институтов с определенным типом банковского бизнеса, либо мы должны будем публично обсудить вопрос, что разные банковские институты должны иметь строгие, но все-таки отличающиеся правила игры, в зависимости от характера бизнеса, который они могут осуществить. Тогда будет и регулятору легче отвечать на вопросы, почему те или иные формальные подходы не работают или работают в обратную сторону применительно к тем или другим видам финансового и нефинансового бизнеса.

М.Ю. МАТОВНИКОВ

Я вспомнил, как однажды сидел с гражданином, который отвечал за международный бизнес в банке в Казахстане, и он мне сказал: «Михаил, я вчера сидел дома и вдруг понял, что у нас долг на 20 процентов ВВП». Он вдруг понял системную значимость банка для всей страны, в условиях, когда понимаешь, что есть сложности с возможностью расплаты.

И к вопросу увеличения крупнейших банков, действительно, возникают совершенно новые задачи, в том числе, когда они выходят на другие рынки. Добро, если они выходят на рынок Украины, который мы, слава Богу, понимаем, а если они выходят на рынки, которые мы совсем не понимаем, вроде Индии? И регулятору придется работать с такого рода банковскими группами, с импортом рисков из стран, которые не внедрили Базель-2. Анализировать там риск весьма сложно. Тернии, которые возникают перед нашим регулированием, оно перестает быть провинциальным, оно становится реально глобальным вместе с нашими крупнейшими игроками и те задачи, которые предстоит решать в этом случае, это действительно совсем новый уровень.

Если мы в 90-е годы могли благополучно подтягиваться к известным стандартам, которые были решены на мировом уровне в рамках того же самого Базельского соглашения, и нужно было всего лишь внедрять и внедрять, то сейчас мы начинаем стучаться в двери, которые, может быть, никто и не открывал. И нужно будет применять какие-то шаги, которые мы будем делать, может быть, первыми, потому что понятно, что наши банки заняты международной экспансией, у них и дома-то не все нормально сплошь и рядом. Это не то, что американские банки в 70-е годы кого-то кредитуют в Латинской Америке, при этом у него дома депозитные базы, все устойчиво. У него и здесь может возникнуть системный кризис и глобальные риски также связаны.

Я согласен, что составляет серьезную проблему то, что мелкие банки лишены доступа к рефинансированию и это ведет к системным рискам, когда они, борясь за вкладчика, это надо лечить не методом закрытия мелких банков, а методом вставления инструментов рефинансирования мелким банкам. А для того, чтобы давать рефинансирование мелким банкам, нужно их не бояться, а для того, чтобы их не бояться, нужно реально понимать риски, которые там находятся. Это ставит вопрос, чтобы у регулятора были возможности не просто понимать ситуацию крупнейших банков, а в том числе в небольших банках.

И в этом контексте возникает понятный вопрос, что многие задают вопрос – а зачем в новом Базеле это прижизненное завещание для банка? Для того и нужно, если Центральный Банк дает кредит, он знает, чего будет делать в случае, если банк обанкротится, куда уйдут филиалы, куда те или иные активы, чего делать с теми или иными кредитами, какие деньги обещают довести собственники. Более-менее система начинает срастаться, регулирование перестает быть сбором отдельных инструкций, а дает возможность смотреть на это в полном комплексе, когда система рефинансирования связана с адекватностью надзора. Адекватность надзора является следствием и регулирования, и применения достаточно жестких мер, которые должны быть применены.

Я даю возможность сказать завершающее слово тем, кто хочет это сделать, мы имеем право немного задержаться.

А.Ю. СИМАНОВСКИЙ

Я не знаю насчет завершающего слова, жизнь продолжается, мы будем продолжать беседу. Применительно к тому, что сейчас говорил Михаил в отношении прижизненного завещания и вообще о тех подходах, которые будут реализовываться в обозримой перспективе и нами тоже, я имею в виду международные подходы.

Я верю, что так, как оно предполагается и так, как оно написано, так оно все будет и в жизни и по линии прижизненного завещания, и по линии планов реструктуризации, и по всем остальным линиям, и контрциклический буфер будет работать так, как положено, - все это будет.

Но я одновременно надеюсь жить и все это видеть, потому что одно дело, когда оно написано, а другое дело, когда оно реализуется. Когда мы все увидим, что действительно те предположения, которые писались, совпадают с теми фактами, когда оно реализуется, тогда мы сделаем вывод о том, что этот шаг, если угодно - реформы банковского регулирования мировой финансовой системы, мировой банковской системы, что он пройден, что он сделан. У меня такое ощущение, что это вектор задан, ощущение, что с этими подходами, которые определены, работа на практике и не только на практике, но и в методике, еще предстоит.

Я в данном случае ориентируюсь на то, что эти изменения (это касается и второго Базеля, сейчас и третьего Базеля) они на кончике пера, то есть то, как там делаются некие открытия в области математики, физики, они бывают на основе умозрительных подходов. Вектор в этом смысле в отличие от математики и физики, в экономике вектор работает, очевидно, понятно, что чем выше капитал, тем больше устойчивость. А что касается деталей, как это работает, к чему это приводит, когда, что включать, на какую мощность включать, это все требует, как минимум, экспериментальной отработки.

Понятно, что у мирового сообщества возможности экспериментально отрабатывать, имея в виду необходимость реагировать на последствия кризиса, не было. Но сейчас эта фаза реализации подходов начинается и как раз для этого и предусмотрен в Базеле-3 довольно длительный период имплементации, длительный период внедрения, чтобы увидеть, как это действует в жизни. Если будет необходимость, очевидно, будут вноситься какие-то уточнения. Это просто реакция на высказывания.

Возвращаясь к теме реформы, не реформы (давайте называть, каким угодно словом), я согласен с Алексеем Львовичем, что реформа идет 20 лет. Реформа – это и есть постепенное изменение. Никто не за революцию.

Что является революцией? Правило Волкера. является революцией. Я не готов высказать свое отношение применительно к России в плане того, что ставить так вопрос или не ставить так вопрос для российских банков. Я вижу некие «за», я вижу довольно большие «против». Надо думать, надо смотреть на международную практику. А реформы будут продолжаться, не надо их бояться, жизнь продолжается и реформа продолжается.

Р.В. АМИРЬЯНЦ

Я прокомментирую. Нас тоже сия чаша должна миновать и с отдельными российскими кредитными организациями мы будем консультироваться по теме планов самооздоровления (мне такой термин нравится больше). Известно, что в рамках G-20 есть рекомендация о том, что национальные системно значимые банки должны иметь такого рода планы самооздоровления и планы ликвидации бизнеса. Они должны представлять своим регуляторам некий документ, который позволяет представить, можно ли их разделить, можно ли их спасти, что и как с этим делать.

В этой связи американцы предъявили требования к 124 своим самым крупным банкам (свыше 50 миллиардов) и в Великобритании (там банки свыше 15 миллиардов), и компании, это около 300 единиц будут составлять такой план и

представлять его регулятору. У меня есть небольшие сомнения насчет того, что представляемые раз в год планы будут эффективны в случае кризиса именно как план по спасению банка или реструктуризации, но что однозначно очевидно, что это будет огромное подспорье регулятору для осуществления качественной надзорной работы. И именно сейчас такие оценки от международных экспертов звучат.

У нас это пока будет в рекомендательном режиме или будет касаться только крупных банков. Но уже сейчас в рамках семинаров по обсуждению этих планов самооздоровления звучат цифры, что настоящий план по финансовому оздоровлению, как он должен выглядеть. Например, по оценкам американских экспертов он будет стоить от 10 до 20 миллионов долларов. Это то, о чем говорил Алексей Юрьевич, что все новое должно пройти некую апробацию на ком-то для того, чтобы понять, что это катастрофические суммы для банков, из чего эксперты делают вывод о том, что все это может уйти в формальную плоскость и стать профанацией.

Мы бы хотели, чтобы у нас эта история не повторилась, поэтому скоро будет готов некий методический документ об этих планах вообще, и мы приступим к консультациям с банками о том, как мы это все будем делать. Но делать это придется.

М.Ю. МАТОВНИКОВ

На самом деле, мне кажется, что если такой план делается, то это означает, что мы сразу понимаем, что если есть план продавать какие-то активы, то они должны быть готовы для продажи, чисто де-юре. Это может предполагать какие-то практические шаги, а не просто потому, что есть красивый документ, и мы раз в год отправляем в Центральный Банк. И это, на самом деле, дает возможность действовать в случае чего быстро.

Р.В. АМИРЬЯНЦ

Понятно, что этот документ позволит, например, американскому регулятору, который имеет неограниченные полномочия по вторжению в банки, зайти за выходные и понять, что он, куда передает, и руководствоваться этим как некоей картой действий. У нас для этого еще нужно получить полномочия.

А.Г. КОНСТАНДЯН

Хотелось сделать общий комментарий. Конечно, мы движемся по реке развития международного банковского надзора, внедряем лучшие практики. Это мировая тенденция и все ее поддерживают.

В целом, особенно в Базеле-3, много по-настоящему драконовских мер в части справедливой оценки по акциям, по деривативам. Почему это делают европейские и западные регуляторы понятно - объем деривативов в мире в 10 раз превышает объем мирового ВВП. Физически страшно, что будет происходить, если это выйдет из-под контроля.

И банковская система в целом на Западе, там уже налицо кризис перепроизводства, она слишком развита: и количество игроков, и объем балансов западных банков, скорее всего, они будут снижаться, это подталкивает. Уровень развития банковской системы стал слишком велик, надо делать даунсайз.

Копирование западных методов в российской практике, на мой взгляд, неправильно, потому что наша система развивающаяся, как развивающаяся экономика, а банковская система в целом в стране, безотносительного количества банков должно быть намного больше, она должна оказывать поддержку экономике существенно больше. Поэтому и требования такого регулятивного характера должны быть адекватными.

Я сейчас не критикую, я просто делаю некое заявление. И свидетельство тому не только гипотетические благие пожелания. Чтобы кредитование росло быстрее, есть для этого объективные предпосылки. Если посмотреть на статистику дефолтности российских эмитентов и дефолтность эмитентов в Западной Европе, особенно в проблемных

странах южной Европы, мы видим, что дефолтность российских эмитентов реально ниже по сравнению с эмитентами из стран, становой рейтинг которых гораздо выше.

Не знаю, согласится ли со мной Александр или нет, но рейтинговые агентства в целом признают, что рейтинги российских компаний (становой рейтинг) могли бы быть намного выше, потому что по уровню финансового состояния и качества обслуживания долга многие российские предприятия находятся на уровне выше своих зарубежных аналогов, в то время как подходы с точки зрения регулирования и локации капитала в зависимости от рейтингов, сам по себе рейтинг Российской Федерации является сдерживающим фактором, над этим тоже нужно работать.

А так я только могу повторить мысль, которую высказал вначале, о том, что, на мой взгляд, нашу банковскую систему нужно не только регулировать, но ее нужно поддерживать.

М.Ю. МАТОВНИКОВ

Есть ли вопросы в зале? Пожалуйста.

А.Б. СОКОЛОВ

На протяжении всей дискуссии я бы хотел выделить то, что я считаю для Альфа-банка в настоящее время очень важным с точки зрения внедрения принципов Базель-2 и Базель-3.

На самом деле, складывающаяся сейчас ситуация на рынках, то, что те нормативные документы, которые вводятся Центральным Банком, - 110 и 254. Для нас становится самым важным – это достаточность капитала. И эта проблема характерна не только для нашего банка, она характерна для всего банковского сообщества, за исключением, может быть, нескольких государственных банков. И соответственно на нынешнем этапе развития банка нам необходимо, как воздух, внедрение базельских принципов. Мы уже сейчас начали считать цену капитала на каждые продукты, мы уже вводим цену использования капитала в ценообразование.

Мы недавно провели на базе тех данных, которые у нас есть, еще не на полной информации, а на трехлетнем массиве данных и на дефолт-рейтинге, который мы сделали сами, мы рассчитали risk-weighted assets на основе действующих инструкций Центрального Банка. Но в итоге мы понимаем, что внедрение продвинутого подхода второго базельского компонента дает нам достаточно большой выигрыш в достаточности капитала. Но мы бы хотели видеть от Центрального Банка понятных принципов, когда мы будем это делать, кто будет входить в число тех банков, в которые будет внедрен Базель-2. Мы хотим понимать, когда будет сделана законодательная основа для внедрения Базеля-2. Мы уже сейчас принимаем участие в консультациях, в совместных работах с Центральным Банком на эту тему, но нам хотелось большей определенности – сроки, обязательность, необязательность, кто будет входить.

Мы понимаем, что ввести Базель-2 по всей стране, по всему банковскому сообществу невозможно. Мы в прошлом году посчитали, сколько будет стоить внедрение Базель-2 для банка с продвинутым вторым компонентом – это несколько десятков миллионов долларов, которые мы должны истратить в течение 2-3 лет. Это достаточно большая сумма денег и мы хотели бы планировать наши бюджеты с учетом тех реалий, когда Центральный Банк определит сроки, даты, необходимость. Сейчас это пока в добровольном порядке.

Я бы считал, соглашаясь с Александром Андреевичем о том, что мы должны выделить какую-то группу банков, внедрить там мотивированные суждения, обязательно потребовать внедрения Базель-2 продвинутых компонентов, может быть, в какой-то степени возратить ОПЕРУ-2 и именно в этой группе банков усилить присутствие Центрального Банка в качестве уполномоченных, которые там находятся. Я не надеюсь, что это будет в такой степени, как в Соединенных Штатах, но существенно больше, чем сейчас. Вот о чем я хотел сказать.

А.Ю. СИМАНОВСКИЙ

Спасибо, но это не вопрос, а, скорее, пожелание. Но с точки зрения сроков существует стратегия развития банковского сектора до 2015 года, там есть соответствующее приложение и в этом приложении сказано о том, какие сроки мы, Центральный Банк и правительство, предполагаем возможным и целесообразным внедрять второй Базель.

Что касается третьего Базеля, то там в стратегии развития банковского сектора сказано, что третий Базель должен внедряться в соответствии с графиком внедрения, который установлен базельским комитетом.

Что касается второго Базеля, там говорится о том, что продвинутые подходы будут внедряться для целей банковского надзора не ранее 2014 года. Что касается второго компонента, примерно в то же самое время. И это сопряжено с тем, что вы сказали, что банк сделал модели, банк посчитал, у банка получилось, что там довольно большая экономия по капиталу. Но ваши модели пока не верифицированы Центральным Банком, мы не знаем, каким образом они сформированы, какая под ними лежит база данных, как эти данные оценены. И соответственно, для того, чтобы перевод был произведен (в моем понимании это считанное число банков могут перейти на продвинутые подходы, это не больше десятка банков, условно), мы не ставим никаких здесь планок – 11, 10 или 8. Но соответственно это работа очень большая, трудоемкая, сложная и для банков, и для регулятора. Мы тоже располагаем ограниченным количеством ресурсов, на аутсорсинг мы эту работу глобально передавать не будем, хотя я не исключаю, что что-то может в данном случае привлекать консультантов-специалистов для каких-то работ. Хотя я говорил об этом не как о намерении, а возможном варианте развития событий. Поэтому вот примерно такие горизонты.

Другие вещи, связанные с принудительным характером перевода на продвинутые подходы, в моем понимании пока, скорее, более показаны добровольные способы отбора банков, то есть банк сам должен заявиться, что он хочет, и тогда с ним пойдет работа.

А в отношении второго компонента, в моем понимании все-таки второй компонент должен быть реализован применительно ко всем банкам. Точно так же, как первый компонент сейчас применительно ко всем банкам, уже несколько лет реализован, просто вы, может быть, не замечали, как он у нас реализован на упрощенном стандартизированном подходе. Мы все сейчас живем в условиях второго Базеля – первого компонента.

Что касается больше представителей Банка России, в качестве уполномоченных представителей в банке, обращайтесь, мы рассмотрим, это не запрещено, наверно. Спасибо.

М.Ю. МАТОВНИКОВ

Я сделаю маленький комментарий. У меня был повод заинтересоваться расчетом операционных рисков, в частности, провели анализ, что происходит в крупнейших мировых банках. Взяли выборку из 30 или 50 крупнейших мировых банков и посмотрели: большинство из них применяет продвинутые методики за счет операционного риска. Не эти 15 процентов от операционного дохода, а продвинутая методика.

Вопрос был следующий: как соотносятся эти самые 15 процентов операционного дохода за три года, то есть базовый стандартный подход к более продвинутым методикам. Теория была в том, что стандартный подход более грубый, там будет больше требований от капитала, а продвинутые методики будут давать меньше результата, они требуют капитала втрое больше, чем стандартный подход. Частично это следствие того, что из этой выборки банков только три требовали втрое меньше продвинутой методики, чем стандартный подход. Все остальные - в среднем в 2,5-3 раза больше.

Частично это проблема финансового кризиса, просто плохие доходы у крупнейших банков, но убыточных среди них уже нет, то есть они все равно более-менее работают.

С другой стороны, попытка внедрять IRB и так далее, здесь тоже очень интересно, потому что если у нас есть статистика, например, по малому бизнесу, там 5 процентов проникновения, это лучшие заемщики малого бизнеса. А

потом через 5-6 лет проникновение кредитования малого бизнеса вырастет хотя бы до 25 процентов. И насколько применима статистика от 5 процентов на новые 25, - вопрос большой.

А потом, не дай Бог, когда проникновение будет еще больше, понятно, что мы ведем стрельбу по движущейся мишени и даже в развитых странах не так просто это посчитать. А у нас, когда проникновение рынка растет от премиальных заемщиков к все более стремным, то, конечно же, все эти оценки все равно оказываются искаженными. Я общался в одном из крупных банков с внедряльщиками Базеля-2, они рассказывали, как все замечательно внедрились. Потом я их поставил 4-мя или пятью вопросами в тупик, и они сказали: «Знаете, мы здесь делали корректировку на Румынию». То есть все равно цифра с потолка. Они сами понимают, что эта цифра неадекватна и они взяли корректировку на Румынию. Это никакой не Базель, а корректировка на Румынию.

А.Ю. СИМАНОВСКИЙ

Один формальный, но важный момент, его затронул господин Соколов в ходе своего комментария – почему 2014 год, когда писалось это. Потому что мы ориентировались на закон, который нам предоставит возможность действительно внедрять второй компонент и продвинутый подход первого компонента. И третий компонент второго Базеля. Этого закона, как мы знаем, пока еще нет, он прошел первое чтение. Его второе чтение еще предстоит, и я надеюсь, что во время осенней сессии он будет рассматриваться, но когда он будет принят и когда он заработает? Мы это называем поправки, связанные с консолидированным надзором. Пока это еще перспектива. Это просто надо иметь в виду, потому что когда я говорил, могло показаться, что мы сейчас возьмемся и сделаем. Не только мы.

М.Ю. МАТОВНИКОВ

Спасибо всем участникам панели за интересную дискуссию.

Я от себя в качестве заключительного слова добавлю, что все-таки называть это реформой – радикальной, нерадикальной – но очевидно, что в ближайшие несколько лет российская банковская система изменится до неузнаваемости, вместе с ней до неузнаваемости изменится и банковский надзор.

(Аплодисменты)